

НАДО ЛИ СОБАКЕ КУКАРЕКАТЬ?

Е. Г. Карганова

Курица Федосья хотела быть кем угодно, только не курицей. Лезли ей в голову самые глупые мысли.

А как быть не курицей, если ты курица? Может, нацепить на голову рога и выдавать себя за корову? Или вместо «Ко-ко-ко» говорить «И-го-го!» и объявить всем, что ты — лошадь? Или лечь в лужу и хрюкать, чтобы все подумали, что ты не курица, а хрюшка? Или влезть в воду и вообразить себя лебедем? Лебедем всё равно не станешь, а мокрой курицей будешь обязательно. Да и то, если из воды успеют вытащить. Иначе — прощай Федосья со своими куриными фантазиями!

Но Федосья думала по-другому. О своих фантазиях она рассказала общему любимцу Двора — разумному и справедливому кудлатому псу Кирюше.

Кирюша внимательно выслушал Федосью и сказал:

— А бегемотом стать не хочешь? Или, может быть, слоном?

— А что? — ответила курица. — Я не прочь!

«Да уж, правду говорят — куриные мозги», — подумал Кирюша, но вслух этого не сказал, чтобы не обидеть Федосью.

— А яйца высиживать, цыплят выводить слон будет? Или бегемот?

Курица подумала, что слон или бегемот, пожалуй, все яйца подавят. Но Федосья была курицей упрямой и своевольной и уступать Кирюше не собиралась.

— Тогда буду путешественницей и отправлюсь в дальние страны. Африка, ко-ко-ко! Бананы! Аво-ко-кадо! — раскудахталась Федосья, потрянула гребешком, затрепыхала крыльями и важно зашагала со двора.

Кирюша так и сел! А потом вскочил и бегом за Федосьей.

— Какое авокадо?! Опомнись, Федосья! Мало того, что я каждый день по Двору, по Саду бегаю — ищу, где тебе взбрело в голову яйцо снести. Так теперь ты ещё и в путешествие собралась. Так порядочные куры не поступают! Совесть у тебя есть?

— Ах, кудах-тах-тах! Ты ещё и грубишь? — оскорбилась Федосья. — Всё!

Ухожу! Навсегда! — и понеслась прямо к лесу.

— Вернись! Сейчас же вернись! Кто цыплят-то высиживать будет?!

Кирюша бросился за курицей и почти догнал её у куста лопуха, но тут произошло невероятное: Федосья прямо на глазах у Кирюши как сквозь землю провалилась. Была — и нет её!

Бедный пёс ворошил листья, заглядывал под кусты, метался вправо-влево, бежал вперёд, возвращался назад — нет Федосьи и всё!

Кирюша даже завыл от отчаяния! Но не бросать же одинокую, неразумную курицу на произвол судьбы? Она слабая, беззащитная, её кто хочешь обидеть может. Надо искать!

Тут засвистела над его головой синичка Валентина.

— Свирь! Свирь-свирь! Уж не клад ли ты ищешь? Всё переворошил вокруг!

— Клад, клад! Да от такого клада не то что богатство — одно горе наживёшь! — ответил в отчаянии Кирюша.

— Свирь-свирь! А тогда зачем ищешь? — удивилась синичка.

— Так ведь цыплят высиживать некому — сбежала курица!

Пробегала мимо полевая мышка Варвара. Кирюша — к ней:

— погоди, Варварушка, послушай! Беда у нас! Ты по полям, по садам бегаешь, не попадалась ли тебе где-нибудь Федосья, курица пёстрая? Ушла из дома и пропала. Кто теперь цыплят высиживать будет? Да и жалко её, глупую. Пропадёт ведь!

— Ох, беда-беда, пи-пи-пи! Ох, горе-то какое, пи-пи-пи! — пропищала мышка. — Не видала я твоей Федосьи. И в поле была, и в саду была, а курицы твоей не встретила.

Выкатился тут на тропинку ёжик Егорка.

— Чуф-чуф-чуф! — зафырчал он. — Слышал я, о чём вы тут толкуете. Только зря ты, Кирюша, стараешься. Будешь бегать — только ноги собьёшь. Курица твоя Федосья давно уж к лисе Алиске в лапы угодила. Видел я её, шныряла тут. Искала, чем поживиться. Жаль мне тебя огорчать, да теперь уж горю не поможешь.

— Ну, нет! — рассердился Кирюша. — Не бывать тому! Р-р-раз такое дело, Алиску из-под земли достану! За хвост вытащу, а Федосью освобожу! Бежим вместе, Егорка. Дорогу покажешь.

Бежит Кирюша по лесу — только пятки сверкают. За ним ёжик Егорка клубком катится, еле поспевает.

— Куда дальше? — запыхавшись, спрашивает Кирюша. — Где Алискин дом, показывай!

Подкатился ёжик к поваленному дереву, прошмыгнул под ним и остановился возле низкого домика. Двери и окна заперты, а из трубы дымок тянется.

— Здесь! Тут лиса Алиса и живёт. Только боюсь, опоздали мы!

— Гав-гав-гав! — что есть силы залаял Кирюша. — Отвори двери, Алиса! Не то разнесу твой дом — щепки по лесу разлетятся. Выходи сейчас же!

Щёлкнул замок, и дверь приоткрылась. Лиса выглянула, посмотрела на Кирюшу, на Егорку и пропела сладким голосом:

— Ах-ах-ах! Какие гости пожаловали! А я и не ждала, ничего не приготовила. Чем же вас угощать-то буду?

— Я сам тебя как следует угощу, если не скажешь, куда Федосью-курицу нашу дела?! Ей цыплят высиживать надо!

— Да ты никак взбесился, Кирилл? Тебе прививку делать надо. От бешенства! Стану я с вашей Федосьей связываться! Да разве у неё ума хватит одной до леса дойти? А к вам во Двор я и сама не пойду — некогда мне!

«И правда, — подумал Кирюша, — яйца нести, где попало, Федосья может. А в лес не пойдёт. Испугается».

Лиса захлопнула дверь и выглянула в окошко:

— Да! Насчёт цыплят. Мой тебе совет — высиживай сам. Тепла в твоей шерсти больше, чем в куриных перьях. Вон ты какой лохматый! — Лиса кокетливо помахала хвостом. — Прощайте, господа!

— Ну, смотри, Алиска! — крикнул ей вдогонку ёжик Егорка. — Нарвёшься когда-нибудь на мою самую острую иголку!

А Кирюша сказал:

— Видно, и вправду нет у неё Федосьи. Побегу домой, может, она уже вернулась. До свидания, дружище! Спасибо, что помог!

Дома Кирюша обыскал весь Двор, обшарил все углы — курицы нигде не было. «Делать нечего, — подумал он и подошёл к плетёной корзине, в которой лежала дюжина совершенно одинаковых белых яиц, — придётся высиживать цыплят самому. Ведь не кошку, не козу и уж конечно не корову приглашать для такого ответственного и хрупкого дела».

И он очень осторожно улёгся на корзину.

Много дней прошло. Ровно столько, сколько нужно, чтобы из яиц вылупились двенадцать цыплят — жёлтых, пушистых, шустрых, с крохотными клювиками и чёрными глазками-бусинками. И появились они только благодаря Кирюше. Уж как он старался, как оберегал, согревал каждое яичко! Как не допускал никого к корзине! Боялся отойти от неё, чтобы попить-поесть. Даже похудел!

Никто во Дворе не посмел над ним смеяться, называть курицей-наседкой. Хотя на самом деле он-то и был настоящей наседкой.

Цыплята считали Кирюшу своей матерью, бегали за ним по пятам, прятались у него под животом, между лапами и даже норовили залезть в большие лохматые уши.

— Кирюша, — шутливо спрашивала его козочка Евгения, — а чему ты будешь их учить — кудахтать, кукарекать или лаять?

— А может быть, ты сам научишься кукарекать, искать червяков и клевать пшено? — подшучивала над ним свинка Авдотья.

Кирюша не обижался. И так же шутливо отвечал:

— Кто знает, может быть, и научусь!

Но учиться кудахтать и кукарекать Кирюше не пришлось. И клевать пшено тоже.

Однажды, ранним летним утром, когда цыплята дружной стайкой окружили Кирюшу и о чём-то хором пищали, он увидел, как во Двор вошла... курица! Худая, глаза тусклые, красный гребешок опрокинулся набок, в хвосте

не хватает перьев... И всё-таки это была Федосья — непутёвая путешественница! Кирюша сразу узнал её. И очень обрадовался!

Сбежались все обитатели Двора. Они мычали, хрюкали, крякали и мяукали от радости! Кирюша собрал всех цыплят вместе, подвёл к Федосье и сказал:

— Вот, все двенадцать. Живы и здоровы. Принимай!

Курица Федосья робко подошла к Кирюше, посмотрела на цыплят, которые жались к его ногам, и сказала:

— Прости меня, Кирюша! Я такая глупая! Вообразила невесть что. Большое тебе спасибо! Как хорошо дома!

«Э-э, — подумал Кирюша, — если курица понимает, что родной дом никакие авокадо не заменят, значит, неправильно говорят — «куриные мозги». А Федосье сказал:

— Нечего мне тебя прощать. Ты вернулась, и это очень хорошо. Я рад!

О том, что Федосья, убегая, провалилась в какую-то нору и вышла из неё совсем в незнакомом месте, заблудилась и долго скиталась, пока наконец не нашла свой Двор, она рассказала Кирюше потом.

Цыплята скоро привыкли к Федосье и бегали то за ней, то за Кирюшей. А Кирюша смотрел на Федосью, на цыплят, радовался и думал: «Как хорошо, что мне не надо учиться кукарекать».